

— Все эти годы, наложница, вы заботились обо мне, но, если подумать, ваше сердце всегда принадлежало моей сестре. Иначе почему в тот день, когда я упал в воду, вы лишь остановили матушку Цзинь у дверей, даже не позвав врача? Позже, когда я с трудом вышел из комнаты, вы, увидев, что я вернулся, выслушали несколько моих слов и так легко ушли, поверив, что я не обидел госпожу Синь. После этого вы никогда не заботились обо мне. Тогда я действительно был в замешательстве — неужели только моя сестра — ваша дочь, а я — нет?!

Это было самое необъяснимое для него как в прошлой, так и в нынешней жизни — Цзюнь-ши относилась к нему как к верному слуге, а не как к своему ребёнку!

— Ты прав! — Цзюнь-ши, казалось, не ожидала, что Гу Чжису скажет такое. В её глазах мелькнула тень вины, но она тут же убрала дрожащие пальцы и, сделав вид, что не замечает этого, резко ответила. — Раз ты осмелился напасть на свою сестру, я больше не могу тебе доверять и больше не признаю тебя своим сыном! Ты больше не мой сын!

— Почему?

Гу Чжису, хотя и ожидал этого, услышав те же слова, что и в прошлой жизни, снова почувствовал, как боль в его сердце усиливается. Он сжал кулаки так сильно, что из ладоней потекла темно-красная кровь, капли которой падали на его белоснежные одежды, оставляя кровавые пятна.

— Я просто хочу спросить — почему?

Цзюнь-ши уже не могла понять, что она чувствует — вину или гнев. Она стояла перед коленопреклоненным Гу Чжису, её пальцы почти касались его лба, а острые ногти оставили кровавую царапину на его брови.

— Никаких «почему»! Убирайся отсюда! С этого дня тебе не нужно приходить во двор Мяюэ! И не считай меня своей матерью, и твоя сестра... она тоже больше не увидит тебя!

...

Гу Чжису почувствовал острую боль на лбу. Он долго смотрел на неё, а затем его губы растянулись в улыбке. Его прекрасное лицо, подобное цветущему весеннему цветку, очаровало Цзюнь-ши. Её глаза, казалось, наполнились паникой и виной, и она не смогла больше смотреть на него.

— Слова наложницы Чжису всегда слушал.

Он увидел, что она отвернулась, и понял, что она даже не хочет смотреть на него. Он знал, что после этого события они оказались в той же ситуации, что и после смерти Гу Чжицзин в прошлой жизни. Однако теперь он не чувствовал безысходности, как тогда. После разрыва с Цзюнь-ши в его сердце вспыхнула слабая ненависть, которая быстро угасла под давлением боли в ладонях.

Цзюнь-ши так и не ответила на его вопрос, не дала ему понять, почему она так холодно к нему относится, почему она совершенно не обращает внимания на его чувства. Он когда-то предполагал, что он не её ребёнок, но ведь он родился в резиденции князя И, а резиденция князя И — не обычный дом. Если он не её ребёнок, то чей же?

Гу Чжису смотрел на Цзюнь-ши, женщину, которую он должен был называть матерью. Хотя в его сердце оставалось много вопросов, он без колебаний склонился перед ней, совершив

глубокий поклон, и произнес:

— Чжису прощается с наложницей.

— Уходи... просто уходи!

Цзюнь-ши, казалось, не ожидала, что её робкий и мягкий сын, который даже не решался говорить громко, теперь оказался таким решительным. Он даже не попросил прощения, а просто трижды поклонился, оставив на своем лбу синяки, но его лицо оставалось спокойным. Он поднялся, не взглянув на неё, и шаг за шагом вышел из её поля зрения.

Она смотрела на его спину, чувствуя необъяснимое беспокойство, и в то же время её переполняла ненависть. Её пальцы дрожали, когда она подняла руку, и, нарушив свою привычную смирность, она смахнула чашку с чаем со стола, которая с грохотом разбилась о пол.

— Неблагодарный... настоящий неблагодарный!

Когда раздался звон разбитой посуды, кормилица, находившаяся снаружи, услышала его и, побледнев, сжала пальцы. Она колебалась, не решаясь подойти к дому, чтобы услышать, что происходит внутри. Она не слышала разговора матери и сына, но знала, что они спорили долгое время, и когда небо начало темнеть, Гу Чжису вышел из комнаты. Его белоснежные рукава были испачканы кровью, а на лбу виднелись синяки от сильных ударов. Она была так напугана, что не смогла подойти, лишь наблюдала, как юноша уходит.

После того как Гу Чжису ушел, она почувствовала себя еще более неуверенно. В конце концов, она была просто кормилицей, и даже если она выкормила Гу Чжицин, её статус не был выше, чем у Гу Чжису. Видя, как он вышел, она испугалась, но когда она хотела подойти к дому, чтобы узнать, что произошло, она внезапно почувствовала сладкий запах, и в следующий момент её глаза потемнели, в ушах зазвенело, и она потеряла сознание. Служанки, увидевшие, как она упала, подумали, что она заболела, и несколько из них поспешили поднять её и отнести в дальний коридор.

В тот момент, когда кормилицу унесли, лицо Цзюнь-ши внутри комнаты стало мрачным, как туча. Она с угрожающим выражением сидела перед зеркалом, а затем вдруг быстро подошла к кровати, посмотрела на свою спящую дочь, наклонилась и сдвинула подставку для ног, вытащив две ослабленные кирпичные плитки. Под ними она обнаружила длинный медный ящик.

— Хм... пока у меня есть это, даже без этого неблагодарного, старшая принцесса ничего не сможет сделать со мной и Цзин!

Когда она, сжав губы, осторожно открыла ящик и взяла то, что лежало внутри, её глаза загорелись, и она тихо прошептала. В тот же момент она почувствовала острую боль в шее, и то, что она держала в руках, внезапно исчезло. Высокая фигура появилась словно из ниоткуда. Его темно-синие глаза были холодны, и он играл с тем, что она только что держала в руках, как с чем-то драгоценным.

Это был нефритовый жетон, теплый и гладкий, словно пропитанный маслом, белый, как молоко. На его лицевой стороне было выгравировано слово «Цюнхуа», а на обратной — слои тщательно вырезанных цветов.

— Цюнхуа?

Синь Юаньань увидел, как Цзюнь-ши, даже будучи заколотой серебряной иглой, пыталась отобрать жетон. Он сразу понял, что, хотя он остался, чтобы посмотреть, как Цзюнь-ши и Гу Чжису общаются, и в итоге стал свидетелем их разрыва, он получил неожиданный трофей, который принес ему нечто большее.

Но что бы он ни получил, в его глазах это не стоило и пальца того человека. Цзюнь-ши ради этого жетона бросила его и причинила ему боль. Синь Юаньань улыбнулся и решил, что, что бы это ни было, он никогда не вернет это Цзюнь-ши.

Приняв решение, он тихо усмехнулся и подбросил жетон в воздух, демонстрируя полное безразличие:

— Что это за вещь, которая дает тебе такую уверенность, чтобы бросить собственного сына?

Не дожидаясь ответа, Синь Юаньань заметил, что взгляд Цзюнь-ши был прикован к жетону, а на её висках выступил пот. Это говорило о том, что она не только ценила этот предмет, но и боялась его. Он сжал жетон и, положив руку на её плечо, спросил:

— Где остальные вещи?

Цзюнь-ши, увидев, что он не знает, как использовать этот предмет, почему-то облегченно вздохнула, словно обретя уверенность. Она настороженно посмотрела на него и, запинаясь, прошептала:

— Ты... кто ты такой?! Верни мне это немедленно! Эта вещь не для тебя, если ты не вернешь её, я...!

<http://bllate.org/book/16652/1526051>